

Шмерковичене интервью Каунас, Литва

Интервьюер Жанна Литинская

Скажите, Шмерковичене это ваша фамилия по мужу?

Да.

А как ваша девичья фамилия?

Гершунович.

Гершунович, да?

Рива Гершунович.

Вот имя Рива было дано при рождении или Ревекка было?

При рождении меня называли Тойбе Ривке.

В память о ком - то вас так называли?

Родители так называли.

Когда вы родились, в каком году, месяц и число?

Я родилась в 1914 году 24 декабря.

Вы в Каунасе родились?

В Каунасе.

То есть, тогда Литва входила в состав России?

Да.

Кто были ваши родители, чем отец занимался?

Отец был инвалид по зрению, и он сам не мог без помощника работать.

Так он имел человека, с которым делились своим заработком, и он работал на бетонной фабрике. Он имел лошадь, и с этой лошадью он развозил...

Отец был возчиком.

Он возил эти бетонные изделия. Он был ...Хозяин, он у него работал...

Мы разобрались, Типограф – это фамилия хозяина фабрики бетонных изделий. А отец возил бетонные изделия.

Там всякие лесенки, тротуары, для колодцев.

Ну вот вы говорите, что он с кем-то делился, что кто-то с ним ехал на подводе?

Да. Потому что он сам не видел, как.

Он совсем слепой был или плохо видел?

Нет, плохое зрение.

А как папу звали вашего, имя его?

Хаим Герш.

Хаим Герш.

Хаим Герш Гершунович.

Вот вы знали своих дедушку, бабушку, кем они были?

Я знала. Отец моего отца был Йокубас, и он был сторожем....как это называется. Был Энгельман, был такой завод пива, хозяин был Энгельман, а он был сторожем.

Йокубас - это его имя было?

Да.

Это не пиво Губерния, другое.

Нет, в Каунасе.

А этот хозяин пивного завода, он тоже еврей был или нет?

Это я не знаю. Мне кажется, что не был евреем. Мне кажется, что они были немцы, потому что мой дедушка тоже по-немецки разговаривал, уже так привык, говорил, что на работе надо по-немецки разговаривать.

А бабушку как звали?

Лея.

Они жили отдельно или вместе с вами?

Отдельно.

У них был свой дом?

У них был свой дом и у нас был свой маленький дом на...

Как улица?

На Кряучу...

А как она сейчас называется?

Точно так же и при советской власти.

А что это значит по-русски?

Груши.

Груши по-русски.

Там есть целый ряд улиц, которые называется вишневые, яблочные, весь район был такой, на Зеленой Горе мы жили.

Ваши дедушка и бабушка имели еще детей, кроме отца, у папы были братья и сестры?

Да. У моего дедушки было пятеро детей- три дочери и два сына - мой отец и еще Михл, второй.

Ну вот расскажите мне о сестрах и братьях отца - а как их звали, старше они или моложе. Про каждого в отдельности. Кто у них были мужья. Чем они занимались, и как их жизнь окончилась, про каждого немного. Про отца потом расскажете. Кто был за отцом следующий?

За отцом была сестра Хая Фейге. Сестра Сарра, она была туберкулезная.

Давайте по очереди о каждой. У Сарры был муж, как ее фамилия по мужу, не помните?

Шнейтлеф. И у нее было трое детей – Хаим, дочка Эстер и Тойбеле.

Что с ними стало?

Они все погибли, они были дети, когда началась война, и они все попали.

Они были в гетто каунасском?

Они не успели эвакуироваться.

Сарра тоже погибла.

Да, но как они погибли, мы не знаем, мы не имеем никаких сведений. Но конечно, их конец был страшный.

А муж Сарры чем занимался?.

Маляр был.

Делал ремонты. Он тоже погиб?

Да. Они не успели бежать.

Следующая сестра Хая Фейге.

Хая Фейге умерла еще перед войной, у нее было пятеро, одни дочери И они остались на воспитании отца ихнего, Ицик его звали.

А фамилия его была?

Глобман.

Гробман или Глобман?

Гробман.

Ицик Гробман и Хая Фейге. А как звали дочерей?

Хана дочка, Таубе дочка, Сарра, Буня Двейре. Сколько я посчитала?

Пять. И они все здесь тоже погибли?

Нет, погибла в оккупации здесь только Двейреле и Буня так умерла перед войной.

Кто?

Буня, их дочка. Ну а Хана и Таубе и Сарра эвакуировались, и они были в детском доме не в Константинове, а в каком - то другом. В Удмуртии.

А сколько им было лет, они еще детьми были?

Не такие маленькие. Но подростки- 10 лет-11 лет.

Они были моложе вас, все дети?

Да.

А вот Сарра дожидла ...

Сарра, наверное, живет еще в Израиле. Таубе уехала в Израиль, Хана и Сарра.

А Хая Фейге умерла от туберкулеза?

Нет, Сарра, та сестра умерла от туберкулеза. А Хая Фейге, что у нее было, не знаю, сделали операцию и она умерла.

То есть обе сестры - Хая Фейге и Сарра до войны не дожили. То есть, остались дети с мужьями.

Сарра и Хая Фейге умерли году в 1939.

Кто еще был у папы, еще одна сестра Рейзл.

Рейзл со своей семьей погибла во время оккупации.

Какого года она?

Ее фамилия по мужу была Александрович. Она имела два сына и одну дочку, Лея и я уже не помню сына ...Рувим.

А чем ее муж занимался?

Он был портной.

Они хорошо жили материально?

Ну знаете так. Ремесленники.

И муж тоже погиб в оккупации?

Да, никто не остался.

Значит, это три сестры, мы поговорили, и два брата. Теперь о брате отца, у вашего отца был брат Михл.

Михл уехал в Израиль перед войной. Женился и они поехали туда. Там он имел две дочки и сына, а когда там была война, сын погиб

Сын погиб уже в 1960е годы.

Я не помню, какая война, не последняя, но раньше что была в 1960е годы.

А как звали жену Михла?

Не помню.

А Михл намного был моложе вашего отца. Ваш отец какого года?

1886 года. А Михл был самый младший.

То есть, 1910 примерно года? Как звали папу вашего?

Хаим Герш.

Скажите, у папы зрение, то, что он плохо видел, было с детства плохое или с возрастом?

Да, врожденное, ну знаете, он немного видел, но очень плохо.

Папа учился где-то или только в хедере?

В те годы... Он в хедере учился, он умел читать и писать по-еврейски. Он даже русский алфавит знал хорошо.

Ну да, он же родился при царской России. Но он никакую школу, гимназию не окончил?

Нет, нет.

Только хедер?

Не только хедер. Хедер у нас в Литве еврейские дети шли.
Хорошо. Наверное, семья вашего дедушки Йокубаса была религиозная?
 Очень. И он так нас воспитывал.
И папа был религиозный человек?

С утра когда встаешь, начинаешь день, начинаешь с молитвы. Благодарить бога, что встала... (*читает молитвы*). Знаете, эти слова сейчас помню, их невозможно забыть.

А вот когда была Первая Мировая война, их не выселяли из Каунаса?

Знаете, я тогда только родилась. Так мама с детьми уехала в Вильнюс и жили в Вильнюсе.

Скажите. Как ваши родители познакомились, это сваты были?

Шадхены, их сосватали.

А что вы знали о маминей семье, вы знали ее родителей?

Да, а как же.

Вот давайте точно так же о маминей семье.

Мамина фамилия Гарайте - Гар. Там у них в семье были брат Довид, Мотл...

Это мамыны братья?

Довид. Они жили в Кроне...

Недалеко здесь?

Это Вильнюсский край... А мама всей семьей ихней, самая главная семья ихняя – мама, папа с детьми жили в Жаутляй. И они там напрокат взяли землю и они делали молочные продукты - масло, сметану, и от этого они жили.

Это мамыны родители?

Мамины родители и мама.

И мама там жила.

А Довид жил в Кроне, Мотл...

Давайте о Довиде сначала, у него была семья, жена, дети.

Да.

Ну расскажите о них тоже, как их звали...

Два сына Йосеф, Янкл и дочка Хая. Йосиф, он писатель, его произведения все знают, потому что он был в оккупации и он написал всю жизнь в гетто в Каунасе, кроме того, он имел еще другие произведения, но я их не знаю.

А он жив. Йозеф

Нет. Он умер.

Так он пережил каунасское гетто, да?

Да.

И остался жив?

Когда уничтожили гетто, так их взяли, чтобы расстрелять. А он с женой убежали, поезд шел, и ни в его впрыгнули и убежали, и они убежали где-то или в Германии, уже было скоро освобождение. И потом он приехал в Каунас, здесь жил с женой. И у них доченька была Геттеле, она родилась в гетто.

Так они и девочку взяли с собой в вагон?

Ну Геттеле от этой хорошей жизни умерла, они уехали в Америку.

Так он в Америку уехал.

Уже была советская власть, но они не хотели здесь жить.

Через Польшу.

Как все - поехали в Польшу, а оттуда уехали.

А второй сын Довида Янкл выжил?

Янкл тоже погиб, там не было гетто, но все равно евреев держали как-то отдельно.

Где это было?

В Корне этом.

А сам Довид до каких лет дожил?

Довид умер перед войной. Он инсультом болел и был парализован, он не мог говорить, ходить и он лежал.

Он умер до войны. Не испытал ужас войны. Этот мамин брат сейчас я хочу, чтобы мы вернулись и поговорили о маминых родителях - как их звали, дедушку и бабушку с маминой стороны?

Бабушку я не помню, потому что бабушка умерла, мама была еще молодая. И отец женился второй раз, и эта бабушка была Хана, мачеха мамина. Она была очень хорошая, она нас очень любила. Эта мачеха умерла перед войной. Наверное, в 1928 году она умерла. А мой дедушка тоже в это время умер. Моего дедушку звали Берл Идл Гар.

Как его фамилия была правильно?

Гар.

Он занимался этим молочным хозяйством, у них типа хутора была?

Уже потом когда мама умерла, они все ушли оттуда. Мама вышла замуж за Гершуновича, так уже там никто не работал, у них тоже как-то ликвидировалось.

А на что они жили, Берл и Хана, им помогали дети или как?

Так они жили у нас, у моего отца и матери. Они уже жили у нас.

То есть, мама когда вышла замуж, она их забрала к себе к Гершуновичу.

Да, в этом маленькой доме.

Эта семья Гара тоже была религиозна?

Очень. Ну хорошо, они Гары имели магазин...

Какой магазин?

В Кроне имели магазин и они пекли хлеб.

Это кто?

Довид с женой занимался этим, Йозеф там был, Янкл, они все помогали и с этого они жили. А потом, когда Йозеф уже вырос, он учился в учительской семинарии, потом работал уже учителем района, в Кроне или еще где-то.

Он работал в еврейских школах?

Нет. В литовских школах Я не могу сказать, в время войны, перед войной были еврейские школы много, и я не знаю, он был учителем еврейской семинарии, была еврейская.

Значит, он работал в еврейских школах. Это мы поговорили о Довиде, еще были у мамы братья?

Довид, а самый старший был Мотл. Он в 1914 году поехал в Америку. Там он работал, он устроился неплохо, видимо. Его уже тогда не звали Мотл-Макс.

Макс Гар.

Мы с ним общались до войны, они нам очень много помогали, мы получали посылки и даже деньги посылали. Но потом во время советской власти, было очень опасно, уже так напугались, что связь с заграницей. И мы так и не писали.

Вы не знаете, когда он умер и что.

Нет, мы потеряли связь с ним.

А он женат был, Мотл?

Да, он женился.

Он с семьей уехал,

Вот я не знаю, он женился и там имел детей, дочери были, они еще посылали фотографии, как дочка вышла замуж.

Имя дочери не помните?

Нет.

Значит, у мамы были братья - Довид и Мотл. Еще кто-то был у мамы?

Еще была Хая, дочка.

Она моложе мамы были или тоже старше?

Это была дочка Довида - Янкл и Хая. Она вышла замуж уже наверное, 1930 года. Она вышла замуж, и они уехали в Израиль.

Тогда в 1930е годы.

Видимо, не выдержали, муж заболел и умер там, и она вышла замуж за Каплана в Израиле. А Каплан видимо, есть у них дочка, но дочка уже не может быть их родная, они ее где-то в детдоме взяли.

Удочерили, наверное.

Ее имя Хавира, это девочка, и она сейчас еще в Израиле. Ее фамилия Каплан, но я пробовала писать - ни ответа ничего. Я все-таки думаю, что она жива но она нас не знает.

Это мы говорили о маминых братьях - Довид и Мотл, кроме них, у мамы еще были братья и сестры?

Нет

Значит, два брата и мама. Маму как звали?

Муше Ите.

Древнееврейские имена, незнакомые. Какого мама года?

Так же как отец, 1886. Может, она на год старше была.

В общем, примерно.

В 1885 году.

Она до замужества жила с родителями, до того что вышла замуж?

Они в Жатляе жили.

Было сватовство, ее сосватали? Какая свадьба была у родителей, они рассказывали о ней?

Какая свадьба, религиозная.

Они говорили об этом? А где была свадьба?

Не знаю, где. Наверное, в Жаутляе. И потом они сразу переехали в Каунас, им купили домик и они в нем жили.

Вот этот домик, в котором вы родились, маленький домик?

Да.

Но вы в семье не первый ребенок, у вас братья и сестры старшие были?

У меня было три сестры - Рохл, Хана и Ривке.

Хана и Рохл старше вас, кто самая старшая?

Рохл.

В каком году она родилась?

В 1910м.

А Хана?

Хана в 1913.

Вы в 1914. Еще Берл был?

Потом после меня еще два брата было. Это Арон..., 1917 года и Берл Иделис, 1920 года.

Дедушки уже не было в живых, когда брат родился, раз его так называли в честь дедушки?

Да.

Значит, вы были третьим ребенком в семье?

Да.

Ну вот теперь я уже хочу, чтобы вы...вспомнили свое детство, вот что вы помните, ваш дом, какой он был. Сколько было комнат - деревянный, каменный, что в них стояло, какая была кухня, ну а потом я буду задавать вопросы.

Ну я помню, конечно, детство было не такое богатое. Мы жили в маленьком домике, не было у всех кроватей. Так брали стулья, доски ложили какие-то соломенные матрасы набили, мешки такие. На этом мы спали. Я спала с Ханой.

Вы на кровати или на досках?

На досках. Кровати был только для мамы и папы, канапка такая была. В общем, устраивались кто как мог.

И братья тоже вместе спали, так мы жили все. А пошли мы, был еврейский детский сад, мама нас туда определила, там и кормили нас, потому что не было чего кушать. А эта бабушка Хана, она ходила в еврейскую кухню, были для бедных. Она там брала суп какой-то, кашу и приносила домой и мы все кушали, там была каша или суп.

То есть, семья жила ваша бедно?

Очень бедно. Знаете, один папа работал, и еще надо было

Еще надо было одна порция для лошади - лошадь тоже хочет кушать, а мы эту лошадку очень любили. Папа, он был очень экономный, так он имел такую коробку деревянную. И овес он давал норму - вот эту коробку. Это он должен скушать, больше нельзя, потому что денег нет. А мы еще брали в горсти и носили ей, жалели ее. Лошадь была в таком сарае...

Во дворе был?

Да, во дворе был. Так мы носили, так он уже к нам подходил с носом просил.

А как звали лошадку, не помните?

Не помню. Но когда ходили в еврейскую начальную школу, учительница была Райниц, она была очень хорошая. Она наших детей очень любила, редко когда бывает такая преданность. Она пришла, Роха, Хана, Ривка - так меня звали Хана Риве Рохк, а Хане говорили Хана Рохе Ривке, это три названия нас всех одинаково называли, она нас очень любила. И мы учились в школе.

Хорошо, я еще хочу поспрашивать. Вот сколько комнат у вас было?

Две комнаты. Деревянный дом, одна комната - и столовая и спальня. И вторая кухня.

А в кухне на печке готовили?

Там была печь такая, где можно и печь хлеб и варить.

Но вот что ели каждый день, вот когда не было супа, который приносили. Что мама готовила?

Что мама готовила - на завтрак иногда суп, крупа какая-нибудь с хлебом, на обед она ходила в еврейские ятке, мясные магазины. Так она имела знакомую женщину, которую брали ей мягкое мясо, чтобы мы ели, были сыты. И давали ей дешевле, и так мы жили. А ужин опять хлеб с чем-то, с маслом. Что было.

А вот у вас соблюдали кошерность в доме?

Да.

И была кошерная посуда в доме?

Ну конечно без этого не бывает еврейского дома. Но вы когда уже были революционерами, так уже когда мама нас заставила помыть посуду – это отдельно, это отдельно. Так мы все смешали. Так она сказала, что это не на ее голову. А мы уже виноваты.

То есть, она уже сказала, что это ваша вина перед Богом. А вот вы помните, как Шаббат отмечали, как встречали?

Это обязательно мама пекла булку, две булки, папа сказал хидеш и потом общий обед и ужин.

А папа ходил в синагогу в пятницу или каждый день?

Синагога была рядом на нашей улице.

Большая синаогга была?

Маленькая, было как полагается, для женщин отдельно на втором этаже, а внизу мужчины.

А вообще, в Каунасе много синагог было?

Было много, а сейчас одна действующая. И больше нет.

А вот мама старалась в пятницу приготовить что-то вкусное?

Все праздники еврейские был отмечены у нас обязательно. На немного помогал дедушка Йокубас, потому что у него было немного денег, так он три лита нам дарил на праздник.

На три лита можно было что-то купить?

Ну так вот и такой праздник был.

Это на субботу давал или на праздник?

Ну папа немного зарабатывал и три лита, и справили Рош-А-Шана и Йом-Кипур, и даже на Пасху купили мацу. На праздники больше не кушали картошку, варили пустую рыбу, так называется.

Фаршированную рыбу делали?

Фаршированную так очень редко, потому что дорого стоит. Чтобы наестся, так картошку с луком, суп такой делали.

Так на праздники тоже картофельный суп?

Нет, на праздники мама покупала курицу, сварили куриный суп и мацу кнейдлик, так полагается.

Это а все праздники она делала?

Да, и специально пекла булки, которые делаются на Йом-Кипур круглые, длинные.

А вот я хотела спросить, в субботу мама же ничего не делала в кухне, как сохраняли эту еду?

Делали галочки маленькие.

Как на субботу сохраняли теплое?

Мама старалась все делать как полагается, чолнт делали.

Расскажите то, что вы помните более подробно о праздниках – чем Рош-А-Шана отличался, потом суккот где вы отмечали?

Я помню, капорес, вы знаете, в Йом-Кипур, ... (говорит молитвы). Мы все говорили и я еще помню это.

Так вам покупали курицу и вы с ней шли в синагогу?

Да.

А кто крутил над головой?

Был специальный резник, который резал и потом дома уже ее приготовили.

Хорошо. А вот суккот как отмечали, сукку ставил отец во дворе?

Дома делали шалаш, вход, который идет во двор, купили ветки елочные, и наверху, открыли окно, папа сидел там, когда холодно было, так тоже сидел, и потом пришли домой, подсвечник ставили, мама молилась.

У мамы на голове парик был или косынка?

Платочек.

А вот после суккота праздник Симхат-Тойре отмечали у вас?

В синагоге, мы ходили туда смотреть, было очень весело. С братом купили специально такие из картона... На флажки наверху.

Вы покупали флажки на Симхат-Тойру, а какие флажки, разноцветные?

Бумажные такие из картона, на краешке наверху картошка, и в картошку свечку...

И они ходили с этим в синагогу.

Да, ходили туда и пели «Борух але... (поет на идиш)

А о чем эта песня, переведите на русский.

Переводить я не могу. Потому что сама не знаю.

Но это молитва или просто праздничная песня.

Это был большой праздник и нам всем было очень хорошо

А вот хануку помните? На Хануку как отмечали?

Хануку, так получали Ханука-гелт от бабушки – 20 центов, это были большие деньши.

Ну что на них можно был купить?

Булочку такую.

Булочку...

Булочку сладкую.

Это было лакомство для вас?

Да.

А зажигали ханукию дома?

Дома, зажигали, и маленькие такие свечки всегда были, это было.

Я просто по очереди по праздники, а что на Пурим мама делала?

Мама пекла гоменташ.

С маком?

Да. Хотя бы хватило, она так рассчитывала, что каждому было по одному. Он были очень вкусным, моя мама умела очень вкусно делать.

Из ерунды вкусно. А носили подарки, «шалахмонес» носили?

Шалахмонес между собой, не было столько денег, чтобы носить. Мы только песни пели.

Одевались нарядно, подарки вам дарили к празднику?

Я уже не помню, чтобы мы получали какие-то подарки.

Ну вот самый большой праздник Пейсах, как к нему готовились и как он у вас в доме проходил?

На Пейсах была другая посуда, совсем другая. И каждый имел вот такую Рюмочку.

Мама ставила мед, сюда вставляли пробку и закрывали бутылку.

Как это называется?

Не помню... Они делали медовое вино, и эта закрывалка осталась еще с тех времен (дочь комментирует).

Значит, на Пейсах делали свое вино медовое.

Да. Большинство изюм туда клали, она специально она уже знала, как их надо приготовить, и получилось очень вкусно, и каждый из нас имел свою

рюмочку, каждому свою. У папы была даже золотая, у мамы золотая, а у нас стеклянные и металлические. Но не золотые.

И у каждого своя?

Да. Мы имели все церемонии.

Как было, расскажите. Как дом готовили к празднику. Изгоняли хамец?

Самый главный вечером отец сидит на подушке, и у него была тарелка такая металлическая, три мацы туда положили, и туда как полагается, ...я уже не помню

Горькая зелень, яйца, все что полагается. А вот афикоймен он прятал?

Еще, знаете, была такая традиция, кусочек надо было прятать, и мы его искали. Кто его находит, получает какую-то награду.

Ну и кто находил этот подарок?

Не помню.

А там есть четыре кашес, кто завадал их отцу?

Братья большинство (читает вопросы). Я их помню.

А вот у вас не было такого обычая, что на ночь ставили стакан вина и ждали, когда Илья-пророк придет на седдер?

Нет, не помню.

А какие мама еще старались сделать блюда повкуснее? Вот еврейские сладости какие-то, имберлах?

Имберлах делала, но она не на Пейсах большинство, потому что Пейсах надо делать все из мацы, так она на другие праздники - на Хануку, на Пурим. Большинство на Пурим, потому что Пурим уже весна и есть что покупать.

А вот еще какие, Швуэс у вас отмечали?

На Швуэс делали из белого сыра блинчики с творогом. С маслом очень вкусные мама делала...

Понятно. Продолжение интервью с Ривой Шмеркович. Вы рассказывали о своем детстве, о еврейских праздниках очень хорошо. Вот вы упомянули, что вы ходили в еврейский детский сад.

Да. На нашей улице ходили.

А что-то платили родители деньги, это платный был?

Нет, там без денег, это народный был.

Кроме того, что вас там кормили, спать укладывали, какие-то занятия были?

Ну спать не укладывали. Не было где- кормили, играли, воспитывали.

А там отмечали в детском саду еврейские праздники?

Конечно, и в детском саду и в школе. Но в детском саду мне пришлось немного, потому что надо было сразу уже в школу пойти. А в начальной школе учительница была Райниц, еврейка, по-еврейски говорили.

Значит, вы пошли в начальную еврейскую школу?

Да.

На идиш там занимались?

Да, народная еврейская школа.

А где она находилась?

На Вильнюсской улице недалеко отсюда в центре.

Ну и сколько лет вы там учились?

Четыре года начальной школы, потом перешла в матрейге называлась.

Что это значит?

Это ступень средняя или вторая.

Это еврейская тоже вторая школа была?

Да. Директор был Мейше Лившин, он сам был математик и учил нас математике, и он был очень строгий.

К учебе он был строгий?

Да. Он очень требовал. И у него дети были очень серьезные, когда он проводил свои занятия, так такая тишина была, что слышно было как муха пролетит, надо был все знать.

А вы хорошо учились в школе?

Ну у нас было такое постановление - больше трех нам не ставили оценку.

Как понять?

Это было чтобы не обижать других детей.

Что значит, ...они больше чем тройку не ставили.

Так всем ставили тройки, отличников не было?

Были отличники.

Не будем в это вдаваться. А вот вам больше нравилась математика или гуманитарные предметы - еврейская литература.

Мне еврейская литература.

А каких авторов вы проходили по еврейской литературе?

Всех еврейских классиков.

Ну а каких, перечислите их.

Шолом Алейхем, Шолом Аш... Кто еще, я уже не помню, забыла их фамилии.

А вот вы говорили, что в школе праздники отмечали. Так это было?

Все праздники, очень активно праздновали. Готовили всегда какие-нибудь представления.

Вы участвовали в представлениях?

Конечно. И песни, и декламации, и какие-нибудь показывали из еврейской жизни сценки. И можно сказать, что все дети участвовали.

Вам нравилось это?

Да.

А родители приходили посмотреть это?

Да, конечно, конечно. Кто мог, много не могли посмотреть, потому что были заняты своими делами, а вообще приходили кто мог.

Мама ваша приходила?

Мама нет, она была очень занятой. Утята, и воспитывать и приготовить, ей было очень тяжело. А мы не могли ей помочь, надо было учиться.

Вот в вашей школе учились дети разных социальных слоев – и бедные, и богатые, или только бедные?

У нас учились дети разные. Но из нашей школы вышли очень знаменитые люди. У нас учился Хаим Елин.

Кто это?

Он во время еврейской оккупации руководил партизанским движением, он руководил этим.

Он в вашем классе учился?

Он учился с моей сестрой классом выше. Он был тогда очень активным учеником, хорошо учился, его папа был руководителем еврейской библиотеки.

В Каунасе?

Это во время Сметоновского правления. А потом во время немецкой оккупации их уничтожили. Потому что нельзя было иметь еврейские книги, еврейские книги сожгли. И этот Хаим Елин руководил еврейскими партизанами.

Руководитель партизанского отряда.

Он был связан с Куторгене, это была врач, которая очень активная.

Это та, которая спасала людей из гетто. Она их пересылала.

Да, она руководила прятать людей, как связистка она была.

Я знаю, у меня было интервью, где женщину она отправила в монастырь. Давайте о вашей жизни.

Я хотела сказать, что он был наш ученик.

А вот в вашей школе помогали самым бедным? Была благотворительность, чем-то помогали бедным детям? Что-то давали для бедных детей?

Чем они могли помогать, этого не было, потому что одежда была очень дорогая, лучше перешить из какого-то старого пальто.

Вам перешивали из старого?

Да, это уже родители сами перешивали. Одному, другому, младшие донашивали, наверное?

Конечно.

Скажите. А в вашей школе были еврейские сионистские организации – Гордония, Маккаби, - были?

Вы знаете, у нас в школе не сионистские, а свободные социалистические организации, которые занимались уже против режима Сметоны.

Это уже в школе было в средней?

Да.

То есть, там сионизмом не увлекались?

Знаете, настроение уже было против режима, потому что у нас было немало случаев, такие хулиганские выступления против евреев. Мы жили на Зеленой Горе, и там большинство жили евреи, и жили католики. И когда начиналась пасха, ни выпускали такие слухи, что евреи уже убили какую-то девочку или мальчика, чтобы взять кровь на мацу. Даже я помню, я уже была большая девочка, 10 лет, мы боялись вот эти погромы. Выходить боялись.

Ну что, были погромы, драки или только слухи?

Набили хорошо. Десять лет мне не было, но могли ударить.

То есть, у вас друзей литовцев не было, с кем вы дружили?

Большинство только между собой. Но когда мы очень организовали организацию против Сметоны, так мы имели литовцев.

В каком году, сколько лет вам было?

Одиннадцать, наверное.

В одиннадцать лет вы уже были в этой организации?

Да.

Настолько вы сознательны были.

Да, потом я стала руководителем этой организации.

Ну вы уже старше были, наверное?

Да, мне уже тогда пятнадцать лет было.

Ну Сметона пришел к власти в 1927 году. Переворот был, значит, в это время и была ваша организация, раньше не могло быть.

Сметона арестовал наших ведущих руководителей - Чарни, ...он был литовец. А Арн был еврей.

Значит, у вас в школе была организация, как она называлась?

Пионерская организация.

Вас подпольно приняли в пионеры?

Да.

И галстук был?

Нет. Назывались «пионеры без галстука».

Так и назывались.

Яцовский написал в книге, мы назывались пионеры без галстука. Там он описал всю нашу организацию, какой работой мы занимались.

Ну вот какой работой вы занимались?

Какой- прокламации распространяли, флаги, мы делали флаги простые из красного материала, написали на них какие-то лозунги и потом вешали на столбах.

Читали книги, Маркса. Энгельса, изучали что-то.

Конечно, была у нас грошен - библиотека.

Что это значит?

Маленькие книжечки, в которых было написано очень кратко история всяких великих людей, руководителей коммунистического движения, и другие.

Так эти книжки на каком языке были?

На еврейском языке.

А кто их выпускал?

Специально делали, типография выпускала подпольная.

Это в Литве делали, редактор или издательство?

Да. И эти книги давали в библиотеки, чтобы раздавать людям, и взрослым, чтобы читать биографии этих людей, которые были очень смелые, очень...

Я поняла. А вот руководители ваши, это были литовские коммунисты или из Москвы присланные?

У нас в школе?

Да.

Только литовские...

То есть, вашей организацией руководили только взрослые люди, как их фамилии были?

Нами руководили комсомольцы, нами руководили.

Если не помните. Не надо. А вот директор школы. Вот этот строгий, он знал об этой организации?

Он знал. Но он был против, потому что была опасность закрытия школы. И школа наша в 1929 году закрыли.

В 1929 году закрыли из-за этого?

Не сказали из-за чего, но закрыли и все. Не дали возможность больше учиться. Так далее дети, у которых были более богатые, пошли в коммерс-гимназию. Там был директор Левин, учитель еврейской литературы. Он был очень прекрасный человек. Он был в нашей школе учителем, который читал нам еврейскую литературу и его жена.

А вы тоже пошли в коммерс - гимназию?

Нет.

А вот еще вопрос - родители ваши знали, что вы в этой организации?

Знали.

А как они к этому относились?

Они были очень против, потому что они знали, что это связано с тюрьмой, если кто -нибудь узнает, могут арестовать и посадить в тюрьму. И мы сидели.

Потом расскажете. А ваши братья и сестры тоже были в этой организации?

Да.

И Хана, Рохл?

Да. Братья раньше были в «а шомер ацаир», в сионистской организации, а потом эта организация тоже перешла к нам. Было такое положение. Это очень чувствовался этот антисемитизм, чем дальше от 1933 года, тем больше.

Ну Гитлер там, а тут это тоже все было. Значит, вы не закончили эту среднюю ступень школы, школу закрыли. Что было дальше. Чем вы занимались?

Наша организация дальше работала.

Но вы сам, вы где-то учились?

Большинство устроились на работу, потому что надо было помогать родителям. Я пошла к портному Линду, как ученица. Он был очень хороший еврейский портной. Очень известный, мог очень хорошо шить. И мы там в этой организации, куда мы пошли работать, там мы агитировали других молодых. Тогда уж мне было 15-16 лет, уже молодежь, и мы становились нелегальными комсомольцами.

Так вы уже стали комсомолкой?

Да.

А коммунисткой когда вы стали?

В 1934 году.

Ну рассказывайте, что было дальше. Я знаю, что вы в тюрьме сидели, но это уже позже было. Рассказывайте как это было?

Мы собирались за городом на маевках... Собирались, читали там, в общем, воспитывали в революционном духе и преданности, чтобы знать, чтобы каждый знал, что может попасться. И всякие игры были, будто бы рабочие полиция, полиция гонялись за рабочими, старались их арестовать. А рабочие организовывали демонстрации. Это игры такие. Интересно было то, что в полиция никто не хотел.

Все хотели быть рабочими.

И мы имели такие прогулки большие, что уже больше ста людей было в этой группе. И этим занимались только по воскресеньям, субботам.

Тогда же нельзя было работать?

Когда не надо было работать. А в воскресенье уже когда мы имели литовских людей, так они приходили в воскресенье, потому что евреи имели субботу, а они воскресенье.

Ну и что дальше было, как получилось, что вас арестовали, что было дальше?

Арестовали, и как полагается, полицейский участок, сняли снимки.

Где вас арестовали, дома ли на этой маевке?

Большинство арестовали дома, пришли делать обыск и взяли с собой.

А что они нашли у вас?

Ничего не нашли.

Не было ни листовок, ничего.

Я аккуратная была, чтобы дома ничего не было.

А кто-то выдал вас?

Нас скомпрометировали, потому что видели, что идем группами. И какие группы, кто в этой группе.

Когда вас арестовали?

Меня арестовали первый раз в 1933 году. Тогда в первый раз меня выслали из Каунаса в Шинкайче.

Подождите, вот вас арестовали. Сняли опечатки пальцев и посадили в тюрьму, вы долго в тюрьме в Каунасе сидели?

В Каунасе, не только в Каунасе, меня выслали на 9 Форт.

Это потом или в 33 году вы в 9 Форте сидели.

Да, когда меня взял с улицы на демонстрации.

Это во второй раз вас, давайте не путать, первый раз вас арестовали.

В 1933 году и меня выслали в Шинкайчай.

Вас выслали, суд был какой-то?

Не было никакого суда. Было административное наказание, выслали меня.

Вы одна были там?

Там я была под надзором полиции, я должна была каждую неделю пойти в полицию, я не имела права уехать оттуда никуда. Мне надо было быть только там.

В этом Шинкайте вы одна были только политическая?

Я была да, а там дальше был один мужчина, его послали в другое место. Они старались вместе не держать много, чтобы опять не организовывали. Но наш авторитет там, где мы были в ссылке, люди очень уважали.

Там евреи были еще в ссылке?

Там была еще одна семья.

А где вы там жили?

Вы знаете, я нашла какую-то женщину, семью, и они взяли меня.

Вы работали там?

Я там работала. Присматривала за детьми, убирала. Помогала кушать варить.

У них прямо в доме?

Да.

А как родители отнеслись, вот как мама. Переживала, когда вас выслали, плакала?

Плакала. Я сейчас говорю, что мне так жалко маму, она за всех переживала, и не только за меня, и за сестру.

А с сестрой что было?

Хана, она была, у нее была демонстрация, и она носила флаги, на каждой демонстрации надо было выставить красный флаг, чтобы знать, кто и за кого идет. И ее арестовали, немножко били ее. И эта процедура. И на нее уже был суд. И ей дали 9 лет, но так как она была молодая, так сняли до 6. Шесть лет она просидела в тюрьме, частью, в Каунасе в тюрьме, потом в Баюрах, это клайпедский край.

Значит, пока она сидела в тюрьме и вы попали?

Я с ней в тюрьме не была.

В общем, маме было очень хорошо за ваши коммунистические дела. В общем, вы были в ссылке. Когда закончилась эта высылка, на сколько лет это было?

Один год.

И вы вернулись в Каунас?

Да, и я вернулась обратно.

И опять продолжали заниматься тем же, работать в этой организации?

Конечно.

Ну и что было дальше. Вы говорили, что вас второй раз арестовали?

В 1936 году был такой случай, что рабочий не выдержал эксплуатации своего хозяина, он работал, голодал, так он пошел на такой шаг, что он застрелил хозяина и себя.

Это литовец или еврей был?

Это литовец. И тогда был такой революционного движения подъем, больше людей начало верить нам, чем хозяевам. И очень много поступили в наши ряды. Потому что поняли, что через эту борьбу можно что-то достичь. И тогда после этого, когда вышли эти все в партию, меня послали. Большинство участников демонстрации послали в 9 Форт на три месяца.

Там строгая тюрьма была, тяжелая?

Вы знаете, у нас была работа в садах, в огороде садили картошку.

А вас в тюрьме кормили?

Конечно, кормили очень неплохо.

А вы уже знали тогда руководителей Яцовских, в это время знали уже или в тюрьме познакомились?

Да, конечно, он тоже был руководителем пионерской организации.

Скажите, а вы верили в коммунизм, преклонялись перед СССР, а вы знали, хоть был намек на то, что происходит в СССР, аресты, репрессии.

Мы считали, что так надо.

Вы считали, что это правильно.

Понимаете, были всякие разговоры против Советского Союза, но мы верили, что это пропаганда против их, потому что очернить революционное движение.

А вот вы знали об убийстве Кирова?

Знали и обсуждали.

То есть, они считали, что наговор.

Мы считали, что они правы, что это все, чтобы не участвовать в движении. Это люди, которые так верили, чтобы оттянуть ревдвижение.

Теперь такой вопрос - вы со своим будущим мужем еще не было знакомы до войны, когда вы с ним познакомились?

В школе. Мы учились в одном классе.

Он тоже был в вашей организации?

Конечно.

В ссылке и в тюрьме он тоже был с вами?

В тюрьме нет.

Ну вот вы пробыли три месяца в 9 Форте. Вас еще арестовывали до войны?

Меня семь раз арестовывали.

Необязательно рассказывать подробно, где вы семь раз были, вы семь раз были арестованы.

Я была арестована в 1937 году. И в 1938, и меня административным путем отправили в Димитраве, это концлагерь

Это был уж концлагерь?

Там было как это...

Неважно, кто там был. А чем этот лагерь отличался?

Мы кололи камни тяжелые киркой.

Тяжелый лагерь такой был.

И там сидел Шумаускас, руководитель компартии.

А вы в 1936 году в Каунасе вступили в партию?

Да.

Я понимаю, что дома вы уже не соблюдали еврейские традиции?

Соблюдали, потому что отец был очень религиозным. Мы уже в бога не верили. Но мы уже для папы, для мамы, чтобы быть вместе с семьей. Мы в Пасху кушали здесь, собирались и купили хлеб и купили мясо свиное колбасу, и ели. И мы отдельно праздновали, сидели напротив дома.

То есть, протест был своеобразный. Я понимаю так, что вы советскую власть приняли с восторгом?

Очень. Для нас это был – свет в окне. Можно сказать, так верили, что будет так, как они обещали.

Вот хорошо, в 1940 году пришла советская власть, где вы были тогда?

Я была тогда в ссылке.

Где именно?

В Рокишкис крае, Онушкис, и мы сразу вышли на улицу, я там уже организовала коммунистический кружок, и мы уже вышли в с прокламациями, наклеили их, что боремся все вместе против сметоновского режима. Сколько там были, так начали организовывать демонстрации, принять советскую армию, она должна была пройти через наш край, надо было организовать их прием. Мы надрали еду, и ждали, когда они придут. Мы на них налетели, когда они пришли, от радости. Советская армия была к нам очень дружелюбно, мы видели, что они действительно пришли к нам помочь.

После прихода советской власти вы еще оставались там в ссылке или вернулись в Каунас?

Да.

Продолжение интервью с Ривой Шмерковичене. Вы говорили о том, что вы могли бы отправиться домой после прихода советской власти...

Но я не уехала пока...местные жители, которые были коммунисты, чтобы они могли руководить приемом.

То есть, вы организовали уже и вы вернулись в Каунас.

Да.

Ну вот советская власть, она оправдала ваши надежды тогда? Или начались какие-то тут репрессии?

Как пришли коммунисты, было все хорошо. Но конечно, было устроено такое, комитет у нас, который все эти помещения, которые принадлежат хозяевам, чтобы перешли в руки рабочих. И моя сестра Хана была в этом комитете.

А вы не были в этом комитете?

Я нет.

А чем вы занимались, вам же тоже дали, наверное, какое-то поручение партийное?

Ну что...

Партийное поручение какое-то было?

Я только работала.

А где вы работали перед войной перед самой.

А, вспомнила. Я работала в редакции еврейской газеты.

Как называлась?

«Дир Энес» – Правда.

То есть, выходила еврейская коммунистическая газета.

И я там работала инструктором партийной жизни

А эта газета выходила в Литве подпольно до советской власти.

Она была нелегально.

А сейчас она стала легальной.

Шохатес был редактором.

Хорошо. Вот вы были молодая красивая девушка. Вы были полностью увлечены партийной жизнью, вы ни с кем не встречались. В кино не ходили, в парке не гуляли с молодыми людьми?

Вы знаете, жизнь есть жизнь, если кино хорошее, советские кино пошли. Советские кино были хорошие.

Все фильмы были очень веселые.

Мы все фильмы смотрели, такие фильмы были очень жизненные.

Вы, конечно, знали о фашизме, о Гитлере, о том, как Гитлер поступает с евреями?

Конечно, невозможно было не знать, потому что газеты все об этом уже писали. И как-то сказали, что они готовятся к погромам.

Что, в советских газетах это было

Да.

Для вас война была неожиданностью, как для вас началась война, где она вас застала?

Вы знаете, говорили все время, что будет, но мы не верили. Но во время когда началась уже советская власть, мне захотелось быть в Рокишкес, в этом крае, мне дали командировку там пойти и поговорить. Я поехала и как раз перед самой войной. Мне говорили, что солдаты уже стоят около границы, а я уже была беременной.

Так вы уже вышли замуж?

Да.

Так вы же не рассказали, я спрашиваю, встречались ли вы с кем-то. В каком году вы вышли замуж за него?

31 декабря 1940 года.

Как вашего мужа звали, его фамилия и имя?

Гутман Шмеркович. Моя дочь Гутмановна. Это имя как фамилия.

А из какой он семьи. Чем его родители занимались? Итак мы уже говорили, про него не говорили, чем его родители занимались?

Отец умер, я его не помню. А мама была уборщицей в еврейской школе.

Тоже бедная семья?

Да.

Как маму его звали, не помните?

Лея. Брат Ицхок...И сестра Рива...Хая еще была сестра.

Ну хорошо, мы потом когда будем фотографии смотреть, вы о них немного расскажете, чтобы сейчас не отвлекаться. Я хотела спросить, у вас была комсомольская свадьба или еврейская?

Мы просто расписались и все.

А родители настаивали, чтобы была еврейская свадьба?

Нет, они нам дали свободу.

Значит, вы поехали в Рокишкис, уже были беременной?

Да.

Ну и вас там застала война, в Рокишкис.

Как мы приехали из командировки, и ночью в 4 часа началась война. И мы не знали, что делать. Но наш актив коммунистов из райкома дал приказ, чтобы все коммунисты собрались вместе, чтобы дать отпор врагу. Та кя тоже пошла. Мне уже сестра Хана сказала: “ Ты оставайся дома. Что ты будешь делать!”. Я говорю, где мы все будем, там и я буду.

Вы после свадьбы жили с родителями?

Да. И я пошла, там были приготовлены автобусы, которыми мы поедем в Зарасай. Это такая линия в западном направлении. И мы поехали...

А Гутман с вами был?

Да. Так мы поехали, а они сказали, немцы нападают, надо поедем туда дальше.

А на чем вы ехали?

И так дальше и дальше, надо ехать, пока будет какая-нибудь остановка. И так мы доехали до советской границы в Латвии.

Вы автобусом ехали. Родители остались?

Родители остались. Они сами имели лошадей, так они запрягли эту лошадь, взяли брата, сестру...

Какую, Рохл, а Хана с вами была?

Да.

Хана с вами, а Рохл и братья с родителями?

Да. Они ехали с этой подводой.

Но вы не знали, где они?

Нет, а в Латвии нам уже дали вагоны. Те вагоны очень бомбили, нельзя было оставаться. Мы отдельно поехали, они отдельно, мы встретили брата.

А родителей вы там не видели?

Нет, они ехали уже позже, потом уже когда все стало на свои места, тогда мы уже узнали, где то.

Ну вот вы поехали дальше, куда вас привезли.

Мы ехали по этим дорогам Советского Союза, где уже ждали отряды помощи, где нас кормили.

Вас кормили?

Да. Кормили крупой, у нас ничего не было. И потом они уже видят, что не могут тоже там быть, так они тоже уехали. Так мы доехали до Слободского Кировской области.

Это город или село?

Ну такой, нас приняли и нас кормили.

Так вы жили у кого-то на квартире?

Да, и там мы уже оставались жить.

И вы там до конца войны были?

Нет, мы не жили до конца войны, потому что наши руководители Литвы организовали детский дом в Константинове, они уже знали, что я могу быть воспитательницей там, так меня туда взяли.

В каком году вас туда взяли?

В 1942 году.

А ваша дочка Лена когда родилась?

Она родилась в Нагорске, где мы были.

А когда вы попали в Нагорск?

После Слободского.

Вы в роддоме ее рожали, а где был ваш муж в это время?

А он был с нами, и он в Нагорске стал работать журналистом и ждал, когда его возьмут в армию. Они все мужчины стремились на фронт.

А литовцев не брали.

Не было приказа и не знали, что с ними делать. Пока он работал в редакции и девочка уже родилась. Интересно, знаете, я там р...

Вы рассказывали о том, как вы рожали дочку, что-то вы хотели сказать.

Мои роды были очень тяжелые, я целый месяц болела. Ты помнишь? (*говорит дочь Ривы*)

Она не помнит.

Мне сестра и муж меня носили на руках домой, я еще долго не могла ходить. Получила какое-то осложнение, заражение крови. Попала какая-то инфекция и я уже была дома с ребенком.

Кушать было что?

Очень плохо, и я не имела молока, и как ее кормить, и она была голодная и я была голодная, и так мы очень тяжело жили.

Что было потом?

Потом как организовали детский дом, в 1943 или 943...

А муж когда ушел в армию, в 1942 году в конце?

В начале 1942 года, в самом начале я его провожала.

И он в Балахну поехал?

Да.

И он попал на фронт?

Нет, они организовали, он был в учебном, так они там были. Они пошли на фронт, так уже было наступление на Орел ...

16 дивизия первым делом под Орлом была.

И эта война он был в 16 литовской дивизии, в которой погибло в этом бою очень много евреев. И мои братья погибли в этом бою.

Ваши братья в этом бою под Орлом погибли?

Да.

Берл и Ефраим?

Да.

А Хана была с вами?

Да, я называла их и ту и ту мама (*дочь говорит*).

Хана незамужем была?

Была замужем.

А кто ее муж был?

Федор Филимонов.

Она за русского вышла замуж еще до войны?

Да.

Дети были у Ханы?

Нет еще.

Он тоже был в Литовской дивизии?

Да.

А с родителями где вы были?

В Константиновке были.

А мама там умерла?

В 1943. Она жила у меня, она умерла с голоду.

В детском доме работала. И с голоду мать умерла.

Там было так - отец мой ездил с этой лошадкой, как-то они...

Откуда там лошадка?

Они отсюда ехали. Мы как начали друг друга искать, мы их нашли, и мы написали, чтобы они приехали в Константинов, и они жили с нами.

Вот Лена говорит, что мама ваша умерла от голода.

От голода.

Так тяжело было?

Не было чего кушать, совсем не было ничего.

А в детском доме кормили детей?

Конечно, кормили, детей, еще дети получили паки хлеба и мы получали пайки хлеба, это серый хлеб был. И мы когда детей покормили супом с капустой, так я взяла вот этот суп, который остался у них, принесла домой, чтобы папа и мама поели. Там была одна водичка. А разговору было об этом, больше чем супа. И это было сразу видно, что эти наши начальники, которые там жили, им не надо был этот суп. Они привезли из центра куры и утки, копчености...

А детям ничего не давали?

Эти начальники ходили с этой курицей кушали и показывали так...

Это начальник детского дома?

Нет, их дети, их родня. А дети были из лагеря из Паланги.

Те, кого успели эвакуировать, младших увезли. А старики остались и попали в оккупацию, мне это рассказывали. Ну понятно, вы там были до какого года, в Константинове, в Кировской области. В каком году вы вернулись в Каунас?

Хану вызвали руководить национальными объектами. Она назначала директоров национальных объектов.

И где работала Хана?

В Министерстве народного хозяйства и промышленности.

Значит, Хана приехала в Литву как только освободили Каунас, и она вызвала вас.

Нет, когда уже все кто жили в Константинове, они взяли сани и мы все поехали домой.

Когда, зимой 1944?

Да. Первая станция была Ясные Поляны. Там в Ясной Поляне заставили эти все поезда и мы каждый имел место в поезде, но, знаете, этот поезд, так где они стояли, была обыкновенная узкоколейка, так нас очень бросало. Но мы ведь ехали с детьми, и Леночка была такая маленькая, моя дочка, она еще не знала, что такое хорошо покушать.

И папа тоже с вами ехал, отец ваш?

Отец поехал обратно с моей сестрой Рохл. И девочка.

А Рохл в Казани жила?

В Татарии, под Казанью. Татарская ССР она жила.

Вы вернулись в Каунас, вам дали квартиру?

Куда там, какая квартира, никто не дал квартиру. Мы имели домик на Зеленой Горе...

Вот этот ваш домик уцелел?

Да. Но там жила литовка...

Заняла его.

Знаете, когда было гетто, надо было дать свободу, и ее из Вильямполя переселили. Она взяла нашу квартиру, а туда пошли евреи, которые не имели где жить. Так когда я была, они еще были в этом доме, не выбросишь их. Так я пошла в детском саду, тогда уже Соломина руководила детским еврейским домом, и пошла туда в этот детский сад, там была одна свободная комната, и я там с дочкой жила. Но это было против закона, мне надо было оттуда убраться. Так как раз я тогда встретила Йосиф Гара, и он сказал, пойдешь со мной. Писатель, двоюродный брат, который книги писал. Он мне не сказала, что он

готовится ехать через Польшу в Америку. Они это держали под секретом, нельзя всем об этом рассказывать. Так он сказал, что я должна искать себе где жить. Так я обратно пошла в детский дом.

А отец ваш где жил в это время, Хана?

Папа пошел в свой домик, литовка освободила. Это попозже было.

А вы не могли там жить вместе с папой?

Я не могла там наверху жить. А мне дали... сразу работу в детском саду, так я уже должна была там прийти на работу, руководитель детского сада.

Вы были заведующей детского сада?

Да, была заведующей. Не хотела, потому что никогда еще с такой хозяйственной работой не работала. Знать все, откуда какие средства. Но у меня была Леночка, мне надо было где жить.

Когда вам дали квартиру?

Я стала в очередь, чтобы получать квартиру, но один военный, который сказал, что он уходит, и он нам отдаст свою комнату. Мы ему поверили, так сколько денег было, мы все ему отдали. А он был аферистом, у него остались деньги, и я не имела где жить. Так мы просили у государства, не имеем где жить, чтобы дали нам квартиру. Дали нам квартиру.

В каком году?

Эту квартиру дали уже тогда... (*Путает*) Дочь говорит, что была квартира на Лайсвесс - Аллее. А потом построили этот дом для подпольщиков, в котором я сейчас и живу.

Когда Гутман вернулся с фронта?

В начале 1946 года. Он не сразу вернулся, в январе 1946.

О послевоенном времени рассказывает дочь Лена, потому что Рива очень устала. Я так поняла, что занимали по очереди две квартиры.

Сначала мы жили возле фуникулера, выше Донелавичуса, у нас была общая квартира с соседями на две семьи. Там еще и брат родился.

Когда он родился?

Он родился в октябре 1946.

Как брата звали?

Илья. Потом я точно не помню, в каком году, мы получили квартиру. Тогда она называлась Сталина, на Лайсвесс - Аллее. Сейчас этот дом стоит еще, и рядом с ним универмаг. А этот дом строили уже не только для подпольщиков, но много квартир в этом доме дали подпольщикам. И ту квартиру мы получили на новый 1959 год, Мы въезжали на Новый Год.

Ваш отец был летчиком?

Он сам не летчик, не пилот, он техник по обслуживанию самолетов по авиабомбам. А после войны он вернулся к журналистике, он сначала он работал просто журналистом. А потом он стал редактором газеты «Знамя коммунизма». Это сельскохозяйственная, такая районная газета.

Вот я хотела спросить, вы, наверное, не помните. Может, мама ответит, когда в конце 1940х годов было убийство Михоэlsa, дело врачей тогда было, как-то это отразилось на ваших родителях? (Задаёт вопрос матери).

Тогда всем говорили, мы не верили.

А к евреям как относились в это время?

Все говорили, что это неправда.

Гутмана не снимали с работы?

Нет, все работали.

А вот как они отнеслись к смерти Сталина?

Я это помню очень хорошо. Я проснулась ночью оттого, что мама плачет. А нас воспитывали в духе любви к Сталину, Сталин – это вождь. И когда я проснулась и спросила, что случилось, мама говорит - Сталин умер. И я помню, как похороны проходили. Я еще сама ребенок была, но все равно помню, что было такое положение, как-то траур, гнетущее, в день похорон остановилось все движение на улице Сталина. Вот это я помню очень хорошо, что родители очень переживали.

А как они восприняли XX съезд и разоблачение культа личности.

Вы знаете, наверное, они не верили. Как ночью снимали памятник ночью. За Лайсвесс - Аллей такая улочка шла к парку и ночью. Этот памятник сняли, сразу после съезда. И нас в школе собрали, всех построили, и сказали, что Сталин враг. До нас тогда это не доходило, мы тогда были детьми. Хотя я была такого возраста, как мама уже занималась революционной деятельностью. Мама, как ты восприняла культ личности, как ты услышала про культ личности,

Как вы к этому отнеслись, когда Хрущев разоблачал Сталина, вы верили этому, это для вас было крушение идеалов?

Не помнит. Я знаю, что для папы было очень тяжело пережить последнюю революцию

То есть, отделение Литвы.

Я считаю, что все эти болезни были на почве этого стресса. Потому что он настолько верил, у нас всегда были разговоры, мы беседовали. Он очень нервничал, начинал кричать, потому что он всему этому он отдал жизнь. И когда это все произошло, это было крушение для него.

А вот в те годы мама работала сначала заведующей детским садом, потом...

Потом она ушла работать в библиотеку, была сначала республиканская библиотека, она там работала. Потом республиканская переехала в Вильнюс и, кто не хотел ехать в Вильнюс, здесь оставили ее работать.

Еще такой вопрос - у вас дома по-русски говорили?

Вы знаете, по всякому, у нас на трех языках говорили. Потому что из-за того, что я начала там в России жить, я говорила все время по-русски. И меня отдали в русскую школу. Я кончала первый класс, была в еврейской школе. Потом ее закрыли. И сразу меня отдали в 10 школу, в русскую. Брат тоже. Брат женился на литовке, у нас была семья интернациональная, муж у меня русский. Мы жили в одной комнате, брат с женой в другой комнате, мама с папой в третьей. И говорили вперемежку. Но как-то больше на русской и литовском. Когда вся семья собиралась, то по-русски. Потому что мой муж русский военный.

Вот я хотела спросить - когда вы учились в школе. Вы, брат, вы ощущали какой-то антисемитизм на отношении к себе?

Нет, у нас в классе было больше половины евреев. После школы я поступила на заочный университет вильнюсский, на библиотечный факультет, я пошла по маминым стопам. Но учиться надо по-литовски, мне было тяжело, я поехала в Ленинград и перевелась в ленинградский институт.

А когда вы вышли замуж?

После окончания института.

Кто ваш муж?

Геннадий Васильевич Григорьев.

Вы Григорьева?

Да.

Какие у вас дети, внуки, несколько слов о вашей семье?

У меня в 1975 году родилась Наташа, в Одессе мы служили. Потом начались, точнее из Каунаса, начались наши путешествия. Сначала Каунас, потом Кастукас, потом Москва, в Академию муж поступил, потом мы приехали в Одесский округ - Молдавия, Украина, в Николаеве мы были. Потом в Николаеве наша дочь заболела астмой, и врач сказал, что надо менять климат. И мы выбрали Благовещенск на Дальнем Востоке, и ей там легче. Моей дочке 30 лет, она замужем, муж военный. И у нас двое внуков. Одному 10, а другому 9.

Как их зовут?

Старшего зовут Вадим, младшего Максим, дочкина фамилия Спиридонова.

Это о вас мы поговорили, теперь о брате, что он окончил?

Он окончил среднюю 10 школу, потом он учился в политехническом институте. Он закончил сантехнику. Женился еще когда был студентом, жена Алина, в 1970 у них родилась старшая дочь Диана, она замужем, у нее двое детей - мальчика зовут Каролис, а девочку зовут Камила.

Она вышла замуж за еврея и уехала?

Она вышла замуж за литовца и уехала по еврейской эмиграции. А младшая девочка Лаура родилась в 1986 году, в этом году она поступила в политехнический, в школе они двенадцать лет учатся.

А что с братом случилось?

Брат умер в 48 лет, обширный инфаркт.

После отца уже?

Нет, отец умер через 4 года в этот же день.

Скажите. Вот вы говорили, что вы выросли на коммунистических идеях, а вот об Израиле у вас говорили в доме, когда шестидневная война была. Война судного дня?

Мы газеты всегда читали.

Но отношения к этому были такие же, как у властей?

Естественно.

То есть, их не тянуло туда.

Нет, вопроса такого не было. Они не хотели туда ехать, и даже потом, когда сестра туда уехала, нет.

А кто туда уехал, Хана?

Нет, Рохл. У Ханы умер муж, я уже не помню, в каком году, я сейчас не помню, я не всегда сюда могла приехать. Но в конце жизни Хана очень заболела, у нее была болезнь Альцгеймера, она в детство впала.

А когда она умерла?

Она умерла за год до папы.

Мама ее.. сюда забрала?

Да. А Рохл уехала после того, как мой брат умер, в 1995 году. Еще брат ей помогал. Рохл умерла, брат не смог ее проводить, ее не было.

А дедушка до каких лет умер?

Дедушка жил, я помню его хорошо, потому что он же не видел, я его водила...

Дедушка жил у себя или тоже с вами?

Он жил у себя, он не хотел с нами жить.

Он не женился больше?

Нет. Но он жил один, не захотел с нами жить. Но мнѣ его часто посещали. Он умер в 1948 году.

Его похоронили по-еврейски?

Да, но нас не брали, детей не берут на похороны, пока живы их родители. Мне было 8 лет, и я только помню, нам даже не говорили, что он умер. Я просто помню, что они все собрались, что он все плакали. И сначала его похоронили на еврейском кладбище на горе, а потом когда это все, Саядис, новая власть пришла, захотели это кладбище убрать. Там такой был скандал, хотели там гостиницу на этом месте построить, потом скандал был, что нельзя трогать кладбище от последнего захоронения 70 лет, и на этом успокоились. И когда эта заварушка была, то мой отец с дядей Федей, мужем Ханы, они его перехоронили на новом кладбище на той стороне Немана.

Для мамы тоже трагедией, можно сказать, была последняя революция.

Я думаю. Да. Понимаете. Когда с детства у тебя такие идеи.

Мама сейчас пользуется помощью еврейской общины?

Да, пользуется.

Но она отмечает что-то, праздники?

Да, она всегда ходит, в этом году я первый раз попала вместе с ней на Рош-А-Шана.

Вы не работаете уже?

Нет, я на пенсии.

Спасибо большое.

Описание фотографий.

1. Это ваш отец. Паспортная фотография.
2. Это мама. Это фото до войны сделано, во время войны она умерла, мама 1886 года. Ей здесь за 50 лет.
3. Мой брат Ефраим.
4. Это мой второй брат Берл Идл, обе фотографии сделаны в 1930е годы.
5. Профиль, анфас и полубок. 1933 год, это фото сделано в полиции перед ссылкой, 112 июля.
6. Это Шимкайте, в ссылке. Где вы тут стоите. – Я в светлой кофточке. Тут жители, ссыльных не было.
7. Я в ссылке, я центре, вокруг меня люди, у которых я жила, Фейге справа, а рядом хозяин. Что стало с девочками этими, не знаете? – Это евреи? Этот их сын. Девочки погибли.
8. Слева мой муж Гутман слева и его брат Ицхок, еврейский поэт. Он погиб, когда во время войны? - Не на войне, он был в оккупации, и говорят, что он освободился и был очень голоден и от голода умер.- А писал стихи еще до войны? Он печатался в журналах еврейской печати - А какая была еврейская печать?- Еврейский журнал. Фото сделано в Каунасе на улице Неманаса до 4, фотография Шустера. Ваш муж какого года? – он 1916 года. Мой муж тоже писал стихи до войны, он же стал журналистом.
9. 1936 год. Семья моего мужа Гутмана- сидит справа моя мать Лея, рядом с ней сестра мужа Рива, его брат Ицхок и стоит доечка- Гителе. А что стало с Ривой?- Рива пришла домой и не ашла детей- Розеле и Гителе, и она пошла сама на 9 Форт. А Розеле и Гителе погибли в детскую акцию?- Да.

10. Фото 1937 года. Это Гителе в детском саду на первом плане в плиссированной юбочке, еврейский детский сад в Каунасе, она погибла в каунасском гетто при ликвидации в время детской акции. Их дети тоже погибли.
11. Фото 1936 года. Шимкяйч, это тоже в ссылке. Кто здесь? – Все комсомольцы- А вы здесь есть? Все евреи. Справа в белой рубашке сидит, что о нем вы можете сказать – Он участвовал в демонстрации, и его застрелили на демонстрации. Его фамилия Як, больше знакомых не было, имя Як Рацкевич, Маша Орлянская рядом с ним. – Что с Машей стало, ее судьба?- Орлянская, она комсомолка. Она вышла замуж за одного из наших товарищей, но они развелись...Кого вы еще знаете? - Это стоит, Ицхок, брат мужа.
12. 24 июня 1933 года, Хая, сестра моего мужа. У Хаи был муж, они жили в Литве и были коммунисты, когда они перешли границу, они бежал отсюда, чтобы спастись от преследований. А границе в СССР его арестовали как шпиона и его расстреляли. А ее сослали по 58 статье А дочка Майя Канторович сейчас живет в Израиле. Ее выслали в Киргизию, она потом второй раз вышла замуж, она умерла в 1980е годы. Ее муж Канторович поехал в Биробиджан, еврейскую область, а он был пожарник...
13. 1945 год. Это Гутман, Рохеле, ее муж Алтер, Каменман, это Зелда. Дочь Рохл. Зелда в Израиле.
14. 1945 год, 7 месяц - я, дочка и мои подружки – Рива и таубе. Таубе живет в Хайе, Рива умерла.
15. 1946 год - моя дочь Лена. Мой муж, я держу на руках только рожденного сына. И мой отец. Фото сделано в Каунасе.
16. Часть офицерского состава группы демобилизованных, Румыния, 15.10.1945 года, мой отец в верхнем ряду пятый без фуражки, это летная часть 16 литовской дивизии. Которая войну окончила в Констанце.
17. Это я с мужем, Каунас, 1946 год, фотостудия.
18. Очень интересная фотография- детский сад на фоне Володи Ульянова, с мужем Лена на детском качалке, 1927 год.
19. Все подпольщики собрались те, которые были в ссылке. Рива в первом ряду первая слева сидит Миреле Данайте в центре сидит в белом воротничке, она погибла как партизанка, это фото сделано перед войной. До войны....
20. Это в 9 Форте мама с дочерью Хаи – Майей. Экскурсия...Там была камера, где была мамина фотография.
21. Наша семья – девушка нянька, братика нанчила, она литовка Алдона.
22. Это я мужем на золотой свадьбе, ее отмечали в ЗАГСе официально.
23. Слева направо - Диана, внучка, мама, правнук Каролис, невестка Алина, Лаура и алинин зять, Дейнис, литовец. Диана живет в Германии.
24. Семья дочери- Лена с Геннадием и внуки Вадим и Максим.

Вы хотели рассказать о еврейском детском доме в послевоенное время.

В России когда мы все убежали от гитлеровской оккупации, я сразу родила там девочку Лену. Мы там были до освобождения Литвы. Когда мы узнали, что Литва уже освобожденная, так наш детский дом начал реэвакуи

роваться. Сестра моя первой уехала. Потому что ее позвали работать в Министерстве. А я и весь детский дом поехали уже, там зима и очень холодный климат. И мы приехали в Вильнюс, там оставались дети, которые не имели никаких родственников, и они были там. А я поехала в Каунас. Я тоже не имела где быть, наш дом был занятый. Тогда мне посоветовали оставаться в еврейском детском доме здесь на Кестучио, 4. А там детский дом и был детский сад, а в детском саду не было руководителя. В детском доме руководила Соломина. Она мне рекомендовала оставаться там и работать в детском саду. Жить не имела, Гар имения взял к себе, я у него долго не могла быть, потому что он уехал, и вернулась в детский дом и одна комната была мне и дочке. А в детском доме уже была еврейская община, которая ей помогала. И самый главный помощник в детском доме был один – или он полковник или подполковник, Ребельский, я помню эту фамилию. Он работал в Москве, но он был такой хороший организатор и он ездил во всякие организации набрать что-то для поддержки детского дома. Он даже организовал корову, чтобы было молоко для детского дома. Он привез продукты, одеяла. Не только белье, но и перины. Матрасы. Не только для детского дома, но и для работников. Он мне тоже подарил, я имела куда положить мою девочку на мягком спать. Мне потом сказали, что его расстреляли, это работа наших НКВДистов, но мы и им не верили. Они не верили, что он так может помогать – он, наверное, шпион какой-нибудь, ну как можно так помогать. Его арестовали и он исчез, где он исчез, никто не знает. Ну а дети, которые были, так они родителей не имели. Но когда пришли родные их забрать домой, они их не знали и не хотели идти. У нас был один учитель, жена которого погибла в гетто. А девочку взяли учителя как свою. Они эту дочку так любили, что считали, как свою. А отец когда приехал из эвакуации, и наше эту девочку, он пришел к этой женщине за дочкой. Оно не дала. И он решил ее украсть. Он украл и его схватили, а девочка не хотела с папой идти. Он был чужой. Ему пришлось подать в суд. Суд признал, что это дочка, действительно, его и ему присудили ее. И она жила с отцом. Такие случаи были много. Одна литовская женщина, я была при этом и я это очень помню, потому что было очень больно на это смотреть. Она привела мальчика, Аронсона, я помню его фамилию. Она его привела и сказала – Во здесь все евреи, ты тоже еврей и останься со своими. И тебе тут будет хорошо. И он так схватился за нее – Я не хочу быть евреем, я хочу быть с тобой. Он не хотел ее отпускать. И она, знаете, оторвала его от себя и ушла. И он так кричал – не хочу быть евреем.

Она его спасла его жизнь?

Это время было очень тяжелое, карточная система. Ей нечем было его кормить, и она должна была это делать, чтобы его спасти.

Она его от сердца и оторвала.

А этот мальчик потом привык.

Она к нему не приходила?

Больше ее я не видела, но этого мальчика я видела, как он рос и учился. Он был как все дети. Но потом нашлись какие-то родственники, которые этих детей забирали к себе, а те, которые не имели, росли дальше, и их держали до 14 лет, потом их отдавали в ремесленные училища, чтобы получить какую-то специальность, чтобы они могли жить. В так мы и жили. Я работала в детском саду, а в детском саду было тоже несладко. Потому что сталинский режим чувствовался. Они хотели уничтожить и детский дом и детский сад. И всякие выдумки, что воспитательницы хотят отравить этих детей, чтобы только

закрыть. Меня тоже обвиняли тогда, что я хотела какого-то мальчик ортавить и потом...

Это когда дело врачей было.

Была ревизия, что крадут продукты. Меня с работы сняли и я пошла работать в библиотеку. А детский сад потом руководили другие, ни старались, чтобы было нееврейское руководство, а детский сад стали посылать нееврейские дети, а кто попало – литовцы, русские, жители города Каунаса, которые не имели куда детей давать. Так и кончился этот детский дм. Закрыли его потом и я перешла работать в библиотеку. И там работала, работала в библиотеке 20 лет и сейчас уже 130 лет я не работаю, и меня все-таки помнят. Когда какие-нибудь праздники в библиотеке приходят, поздравляют и зовут меня. Я много раз была по их приглашению, я много раз там была, а сейчас уже попросили прийти туда, я отказалась, потому что мне тяжело. Это литовская библиотека. Они сказали, надеемся, что вы придете. Они ее приглашали в церковь литовскую поминать всех работников, которые умерли Она не идет ей тяжело.

Спасибо.

А председатель Альперович он ее воспитанник детского дома. Он и его друг Слепак, Слуцкий писатель тоже там был...воспитанники.

Альперович вас, наверное, любил.

А Слуцкий написал книгу о детском доме, как мы там жили.

Спасибо большое.